

ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ"

№ 20 Суббота, 31 мая (13 іюня) 1903 г. № 20

Какъ работаютъ писатели.

Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко.

I.

Мы сидѣли съ Василіемъ Ивановичемъ Немировичемъ-Данченко въ его квартирѣ-музеѣ на Адмиралтейской набережной и бесѣдовали продолжительно и въ нѣсколько пріемовъ.

Встрѣчаются интересные люди (правда, не часто), съ которыми, чѣмъ больше говоришь, тѣмъ больше хочется говорить,—къ такимъ, именно рѣдкимъ людямъ и принадлежитъ Василій Ивановичъ.

Знаменитый романистъ прожилъ большую жизнь; дай Богъ десятку теперешнихъ „молодыхъ силъ" вмѣстить въ себѣ весь тотъ пестрый калейдоскопъ жизненныхъ впечатлѣній, которыя длинной и разнообразной, то мрачной и скорбной, то красивой и радостной вереницей прошли передъ Василіемъ Ивановичемъ.

Гдѣ только не побывалъ Василій Ивановичъ и чего-чего не видалъ онъ?! Суровый и величавый сѣверъ ему знакомъ, и плодомъ этого знакомства явился рядъ блестящихъ очерковъ „Соловки", „На далекомъ Сѣверѣ", „Страна холода", „У океана", разомъ поставившихъ автора ихъ въ ряды первоклассныхъ беллетристовъ; Волга, Уралъ, жизнь горнозаводскихъ рабочихъ, Каспій, Кавказъ, война на Балканахъ, гдѣ знаменитый писатель сражался въ рядахъ русской арміи, дружилъ со Скобелевымъ,—все это оставило блестящій слѣдъ въ литературныхъ трудахъ его: „На великой рѣкѣ", „У Голубого моря", „Кама и Уралъ", „Гроза", „Плевна и Шипка", „Впередъ", „Семья богатырей", „Въ огнѣ", „Годъ войны", „Сторожевые огни" и много другихъ небольшихъ очерковъ и воспоминаній.

Миновала война, и Василій Ивановичъ начинаетъ рядъ путешествій по Европѣ: Персія, Турція, Греція, Италія, Испанія, Египетъ, Алжиръ, Марокко, — и отсюда цѣлыя серіи увлекательныхъ и живыхъ описаній отдаленныхъ странъ и послѣдняя громадная книга его „Край Маріи Пречистой".

Дома Василій Ивановичъ внимательно наблюдалъ русскую современную жизнь, прислушивается къ послѣднимъ вѣяніямъ и теченіямъ и талантливо фиксировалъ ихъ: „Подъ звонъ колоколовъ", „Сластеновскіе милліоны", „Цари биржи", „Великій старикъ", „На разныхъ дорогахъ", „Вѣчные миражи", „На пути къ счастью", „Старыя письма", „Волчья сыть", „По закону", „Городской голова", „Два дневника", „Забытая крѣпость" и много другихъ. Кто не читалъ этихъ интересныхъ романовъ, живо рисующихъ нашу иногда непригляднуюрусскую дѣйствительность столь вѣрными и яркими штрихами!

Нѣтъ возможности перечислить здѣсь всѣ произведенія знаменитаго писателя—ихъ свыше ста томовъ... Все это читается—и весьма читается—русской публикой, и потому немудрено, что популярность Василія Ивановича по истинѣ громадная.

Можно смѣло сказать, что въ Россіи

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко—у себя.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

не найдется интеллигента, который не имѣлъ бы въ своихъ рукахъ книги Немировича-Данченка, какъ не найдется, конечно, петербуржца, который не зналъ бы знаменитаго романиста въ лицо,—его моложавая бодрость и мощно-энергичная фигура очень популярны въ Петербургѣ...

II.

Я назвалъ квартиру писателя музеемъ и не случайно,—здѣсь любитель изящнаго встрѣтитъ много пищи для глазъ... Стѣны увѣшаны дорогими и рѣдкими картинами заграничныхъ мастеровъ, моделями Альгамбры, здѣсь много испанцевъ,—это плоды путешествій Василія Ивановича.

Видно, что здѣсь живетъ человѣкъ, которому все красивое и изящное свойственно, какъ воздухъ...

Наша бесѣда сначала касается общаго вопроса о работѣ писателя.

— Когда вы работаете, Василій Ивановичъ?

— Трудно сказать! Я думаю,—сказалъ романистъ,—писатель главнымъ образомъ работаетъ тогда, когда всѣмъ кажется, что онъ ничего не дѣлаетъ,—ходитъ, ѣздитъ, видитъ, что называется, болтается по свѣту... „бьетъ баклуши“. Меня не разъ спрашивали: „Что вы ничего не пишете?“—а въ такое время у беллетриста именно и совершается настоящая работа. Безсознательно въ умственной лабораторіи наслаиваются и классифицируются впечатлѣнія, часто „какъ будто“ со стороны являются мысли. Если хотите, смутно созидаются остовы будущихъ произведеній. Знаете, при взглядѣ на начатыя полотна художниковъ намъ, простымъ зрителямъ, кажется, что онѣ пусты и бѣлы, а Верещагины, Рѣпины, Полѣновы, Суриковы и др. видятъ на нихъ цѣлыя картины. Разъ явился „остовъ“ романа или повѣсти, онъ мало-по-малу обростаетъ отдѣльными типами, сценами, декораціями, опять таки, въ „ничего не дѣланьѣ“. Въ воображеніи это уже нѣчто живое, хотя безалаберное! Когда берешься за перо, первыя страницы для меня трудны и мучительны. Совсѣмъ родовыя боли. Рвешь бумагу, переписываешь начало десятки разъ, нервничаешь, злишься. Малѣйшая помарка доставляетъ уже страданіе, капнешь чернилами и уничтожаешь все, откладываешь до слѣдующаго дня. Въ эти минуты кажется, что изъ твоей работы ничего не выйдетъ. Не удается она совсѣмъ. Теряешь вѣру въ себя и завидуешь каждому сапожнику! Точно надо отрѣшиться ото всѣхъ другихъ настроеній, создать себѣ опредѣленное и въ немъ остаться, загипнотизироваться на тотъ или другой ладъ. Между вашей мыслью и рукой передаточное вѣдомство облѣнилось, съ трудомъ принимается за дѣло, вся машина заржавѣла... не дѣйствуетъ. Но какъ только этотъ періодъ прошелъ, данъ настоящій толчокъ—кончено! Работа идетъ быстро, споро, колоритно. Рукопись—ужасна, потому что не успѣваешь оканчивать слова́, слѣдить за умомъ, воображеніемъ, диктующимъ вамъ страницу за страницею. Тутъ уже трудъ—наслажденіе. И даже не трудъ,—главное, вѣдь, окончилось. Вы только переписываете то, что создалось ранѣе и въявь стоитъ передъ вами въ живыхъ образахъ и сценахъ.

— Составляете-ли вы сначала общій планъ своихъ романовъ?

— Иногда! Разрабатываешь задолго планъ всего произведенія, приготовляешь сценаріумъ. Но я не скажу, чтобы такимъ образомъ у меня выходили лучшія произведенія. Можетъ быть, они стройнѣе, гармоничнѣе, но въ нихъ мало порыва, стремительности, импровизаціи. Задуманность сказывается на каждомъ шагу. Чаще,—и этому я обязанъ тѣмъ, что мнѣ самому нравится больше другихъ моихъ вещей,—являются общее содержаніе, душа произведенія, то зерно, идейное или нравственное, изъ котораго долженъ вырости, положимъ, романъ. Затѣмъ вокругъ встаютъ дѣла и люди. Вы обдумываете типы, съ которыми вамъ прихо ится сталкиваться на протяженіи десяти-двадцати печатныхъ листовъ. Ясна вамъ первая глава, а потомъ романъ развертывается подъ вашимъ перомъ, какъ развертывается сама жизнь. Часто наканунѣ думаешь повести его такимъ, напримѣръ, русломъ, а ночью вамъ приходитъ въ голову другое. Оканчиваешь совсѣмъ не такъ, какъ хотѣлъ, потому что, въ виду всей этой жизни, раскинувшейся передъ вами, вы сами видите, какъ былъ неудаченъ задуманный вами заключительный аккордъ.

Я никогда не могъ переписывать своихъ вещей. Этотъ рецептъ, предлагаемый одинаково каждому писателю, можетъ быть, и хорошъ, но не для меня. Взгляните мои рукописи, онѣ безъ помарокъ. Дѣло въ техникѣ работы. Мысль укладывается въ опредѣленныя формы. Всякій разъ, когда я принимался переписывать свой романъ, повѣсть,—съ перваго же слова я начиналъ другую, которая не всегда являлась лучшей. Другое дѣло въ корректурѣ. Тогда работаешь и работаешь много...

— Скажите, Василій Ивановичъ, какъ вы заносите ваши впеча лѣнія?

— Я не имѣю привычки записывать,—отвѣтилъ писатель. Можетъ быть, и слѣдовало бы вносить въ книжку удачныя сравненія, образы, мѣткія выраженія, парадоксы, мысли. Я боюсь этого, и знаете-ли почему? Очень полезно, можетъ быть, но это имѣетъ и обратную сторону. Пусть оно само лежитъ у васъ, въ вашей памяти. Когда понадобится,—память поставитъ это передъ вами *кстати*, а иначе случится, что вы ради к кого-нибудь остроумнаго пародокса напишете цѣлую страницу, чтобы подойти къ нему. Простите за вульгарное сравненіе. Вѣдь не собака для хвоста, а хвостъ для собаки. Часто читаешь и видишь, что вотъ къ этой именно фразѣ авторъ ведетъ весь свой разсказъ. Прежде бывало въ подцензурныя времена цензоръ отхватитъ ее прочь—и выходитъ хвостъ безъ собаки. Не понимаешь, зачѣмъ это и написано! Случались и такіе, что писали большія вещи на удачное заглавіе. Пришло въ голову—авторъ и подбираетъ къ нему содержаніе. Въ „доброе старое время“ и на счетъ названій было тоже не легко. Я помню, какъ у меня книгу для дѣтей „Очертя голову“ цензоръ взялъ, да и перекрестилъ въ „На краю гибели“. Должно быть, покойный любилъ французскіе вульгарные романы. Да что говорить о названіяхъ. Въ „Дѣлѣ“ у меня печатались очерки далекаго Сѣвера. Что жъ бы вы думали,—цензоръ взялъ, да и вычеркнулъ описаніе бури на берегахъ Ледовитаго океана, а на поляхъ краснымъ карандашомъ пояснилъ: „природа Лапландіи авторомъ представлена въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ!“

— Неужели вы этого же придерживаетесь и въ вашихъ поѣздкахъ?

— Дѣло другое въ путешествіяхъ. Тутъ всякая деталь важна. Хотите посмотрѣть мои записныя книжки?

Тутъ Василій Ивановичъ вышелъ и принесъ на удачу двѣ книжки, сплошь исписанныя мелкимъ, характернымъ почеркомъ—планы, рисунки, типы, отрывки разговоровъ, наброски... сколько здѣсь должно быть интереснаго!..

Василій Ивановичъ продолжалъ. Я въ нихъ вношу каждую мелочь: картины природы, эффекты луннаго или солнечнаго свѣта, виды городовъ, горъ, свои впечатлѣнія, мысли, сцены, которыхъ былъ свидѣтелемъ, лицо, поразившее меня оригинальностью, выраженія, въ которыхъ оказалась національная особенность, народную пѣсню, преданіе, разсказъ, шутку, остроту... Это то же самое, что альбомъ художника. Иначе ваше путешествіе выйдетъ сухо. Статистика, а не живыя картины. Планъ вмѣсто ландшафта.

И внезапно, согрѣтый воспоминаніями, мой собесѣдникъ весело засмѣялся.

— Я безъ смѣха не могу вспомнить, какъ, желая похвалить „Тропическую Голландію“ г. Бакунина—книгу дѣйствительно превосходную, одинъ изъ рецензентовъ поставилъ въ великій плюсъ автору, что у него—все цифры и факты, а нѣтъ ни описаній природы, ни воспоминаній. Вотъ уже истинно медвѣдь и пустынникъ! Похвалилъ! Г. Бакунину, если бы онъ самъ повѣрилъ этому, пришлось бы воскликнуть: благодарю не ожидалъ! Какой чудакъ! Вы должны дать именно картину страны, съ вашими впечатлѣніями, съ ея характерными и художественными особенностями, съ ея преданіями, пѣсней и пляской, мукой и радостью. Нужно писать такъ, чтобы и читателю ничего не стоило вообразить себя на мѣстѣ. Пусть его согрѣетъ южное солнце, застудятъ сѣверные льды. Пусть онъ всѣми порами ощущаетъ атмосферу описываемаго вами края и чтобы ему ни на минуту не было скучно. Для этого, разумѣется, надо жить тамъ, знать языкъ, освоиться съ людьми и ихъ дѣлами. Прочувствовать ее! Сверхъ того, вѣдь вы русскій, и васъ должно занимать, чему та или другая страна учитъ *русскаго*. Вездѣ есть сходства. Вы видите, къ чему то или другое качество, свойственное вашему народу, довело описываемый вами народъ. Въ этомъ, напримѣръ, отношеніи Испанія очень интересна для насъ. Часто на цѣлыхъ страницахъ „Края Маріи Пречистой“ мнѣ казалось, что я пишу о Россіи.

III.

Когда мы заговорили объ Испаніи, я вспомнилъ, что Василія Ивановича считаютъ нѣкоторые критики „испанскимъ писателемъ“.

Василій Ивановичъ махнулъ рукой: „Это смѣшно. Испанія, да Испанія, которой я посвятилъ одну двадцатую часть написаннаго мною! Прежде тоже говорили о войнѣ. Ѣзжу, вижу, думаю... Я не меньше писалъ объ Италіи, не говоря уже о Россіи“.

— Ахъ, въ этомъ отношеніи судьба путешественника, любящаго и знающаго страну, которую онъ изображаетъ,—забавна,—продолжалъ мой собесѣдникъ, увлекаясь бесѣдой. Вы живете въ ней годами и видите ее не такою, какова она сегодня или будетъ завтра, а вообще какъ она есть. Вдругъ является „милостивый государь“, у котораго только и досугу, что недѣли двѣ. Прокатится, какъ брандмейстеръ на пожаръ, полюбуется изъ окна вагона или сходитъ туда, куда поведетъ его невѣжественный и жадный на добычу гидъ,—ну и кончено! Вы потеряли всякое довѣріе. Еще хуже, если въ это время лилъ дождь или было холодно. Тутъ уже вы являетесь въ его глазахъ настоящимъ лжецомъ. „Помилуйте, гдѣ онъ видѣлъ все это, *я самъ былъ тамъ*,—ничего этого нѣтъ!“ Точно каждая страна только и дѣлаетъ, что ждетъ такого милостиваго государя и какъ онъ пріѣдетъ,—она ему сейчасъ въ видѣ балетнаго представленія товаръ лицомъ! Напримѣръ, надняхъ получаю упрекъ отъ одного пріятеля-врача изъ Мадрида. „Помилуйте, что вы писали! Я здѣсь не нашелъ, гдѣ остановиться,—все занято. Провелъ ночь на улицѣ—отвратительный городъ!“ А вѣдь Мадридъ я самъ бранилъ, но во всякомъ случаѣ не описывалъ его, какимъ онъ бываетъ въ исключительное время! Представьте, если бы такое заключеніе вывелъ о Россіи иностранецъ, явившійся къ

намъ въ разгаръ сезона, когда всѣ углы заняты и дѣваться некуда! Нѣтъ, узнать край, это надо заслужить, выискать, дождаться. Надо „умѣть видѣть“ и наблюдать, чувствовать то, что вы видите. Душой понять, болѣть и радоваться вмѣстѣ съ изображаемымъ вами народомъ. Тамъ, гдѣ вы усмотрите голую бѣлую стѣну,—художнику ясны десятки оттѣнковъ и полутоновъ освѣщенія. Я уже не говорю о болѣе сложныхъ вещахъ. Мнѣ, напримѣръ, случалось ѣхать съ равнодушными и невнимательными къ красотѣ. Таращится на все и ничего не замѣчаетъ. Начнешь ему показывать—„ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Сколько разъ былъ здѣсь,—ничего такого не угадывалъ!“ Еще хуже, если такой милостивый государь привыкъ весь міръ наблюдать изъ окна на второмъ дворѣ какого-нибудь дома на Гороховой улицѣ. Съ нимъ уже окончательно не сговориться. Потому что тамъ, кромѣ помойной ямы да влюбленныхъ котовъ на крышѣ,—ничего нѣтъ...

Тутъ мы отъ души расхохотались—недурное впечатлѣніе для нѣкоторыхъ нашихъ петербургскихъ „наблюдателей!“

Наша бесѣда перешла на героевъ многочисленныхъ томовъ Василія Ивановича, съ нихъ перешла на героевъ вообще и на героическое.

— Какъ вы смотрите на героевъ вообще?

— Герои рѣдки. Герои и героическое—моменты, а жизнь съ ея буднями—дни, недѣли, мѣсяцы... Иногда мнѣ кажется, что героевъ и вовсе нѣтъ. Вѣдь если бы бронзовые монументы спустились на площадь и ожили—они навѣрное стали бы кашлять и сморкаться, какъ и мы всѣ. На героизмъ способенъ всякій. Герой—это идея, формула, а не весь человѣкъ. И ужъ если искать настоящихъ героевъ, то во всякомъ случаѣ не тамъ, гдѣ ихъ ищутъ. Но это ни къ мѣсту, ни ко времени! Вообще,—даже въ изображеніи войны, я старался рисовать не героя со всѣхъ сторонъ, а человѣка, совершающаго при тѣхъ или другихъ условіяхъ героическое. Это вѣрнѣе... На всемъ, что дѣлаетъ человѣкъ, лежитъ непремѣнно—хоть сбоку—но оттѣнокъ неизбѣжной пошлости, будничности, скуки...

Не вѣрю въ картоннаго героя, не вѣрю и въ злодѣя, какъ не вѣрю въ чорта. Въ самыхъ падшихъ людяхъ есть незамѣтная искра добра. Нѣтъ такихъ лужъ, въ которыхъ не отражалось бы небо. Однобокихъ людей вы не встрѣтите. Всѣ на два бока. Съ одной стороны, человѣкъ какъ будто и негодяй, а съ другой—вдругъ въ немъ вы узнаете и брата, и друга. Это только у французскихъ писателей (тамъ шоры-то куда чаще, чѣмъ у насъ!), если ужъ негодяй такъ круглый,—со всѣхъ сторонъ и одна ему дорога: подъ ножъ на гильотину. Разумѣется, я говорю не о Гюго. По моему, это ложь на человѣка! Мнѣ случалось, напишешь о томъ или другомъ задуманномъ типѣ. И весь онъ выйдетъ слишкомъ ужъ мрачнымъ, дурнымъ. Сдашь рукопись,—а потомъ вдругъ шевелится совѣсть—да такъ-ли? Можетъ-ли быть человѣкъ золъ и подлъ до такой степени? Хорошо-ли я разглядѣлъ его?.. И вдругъ, Богъ знаетъ откуда, изъ-за черной маски выступаетъ что-то свѣтлое. И радуешься, что во время спохватился. Безвозвратно падшихъ людей нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Много озлобленныхъ, измученныхъ, развратившихся,—но въ сердцѣ есть всегда уголокъ, гдѣ живетъ чистое, нѣжное... Самая оподлѣвшая душа, случается, плачетъ искренно, значитъ, и она не совсѣмъ потеряна. Поэтому для меня нѣтъ ничего отвратительнѣе безповоротныхъ осужденій. Я не вѣрю въ людей, въ которыхъ нельзя спасти душу, поджечь ее... Помните вы чудесныя сцены въ „На днѣ“ Горькаго,—такъ, положа руку на сердце, скажите: развѣ они—его дѣйствующія лица—многимъ ниже тѣхъ, кому мы жмемъ руки, кто для насъ желанный гость? Развѣ они не стремятся къ свѣту, добру, правдѣ? Сердце есть у каждаго. У однихъ оно обросло, твердою корой покрылось, у другихъ изранено, кровью сочится,—а все равно у всѣхъ, разъ они живы, бьется!

IV.

Наша бесѣда продолжалась.

— Въ чемъ цѣль писателя? Въ одномъ воспроизведеніи жизни какъ она есть? Долженъ-ли беллетристъ принадлежать къ опредѣленному направленію?

— Непремѣнно, всегда! Проходя черезъ вашъ внутренній міръ, жизнь окрашивается извѣстнымъ образомъ. Даже у геніальныхъ писателей видны ихъ симпатіи и антипатіи. Возьмите хотя Толстого. Только у мертвыхъ выходятъ и фигуры мертвыя. Никчемныя! У живыхъ скажется служеніе той или другой идеѣ, тому или другому порядку нравственныхъ идеаловъ или направленію. Вы безсознательно, желая быть вполнѣ безпристрастнымъ, выбираете то, къ чему у васъ сердце лежитъ. Съ любовью останавливаетесь на близкихъ вамъ типахъ, болѣете за торжество того, что вамъ свято и дорого. Писатели безъ любви къ свободѣ, добру и красотѣ—живые трупы. Они никому не нужны, имъ нечего сказать. Это канцеляристы, чиновники литературнаго департамента, буквоѣды! Нужно любить человѣка и вѣрить въ него, бороться за него, если онъ несчастливъ, и ненавидѣть насильниковъ. Я терпѣть не могу геніальнаго Гете за его олимпійское равнодушіе ко всему. Русскій писатель—беллетристъ-ли онъ или нѣтъ, все равно—долженъ быть прежде всего борцомъ. Замѣтили-ли вы, что проповѣдующая весьма давно святое искусство для искусства консервативная печать выдвигаетъ беллетристовъ прежде всего тенденціозныхъ. Намъ они рекомендуютъ пѣть соловьями, а сами бьютъ въ набатъ и кричатъ караулъ. Хочетъ писатель или нѣтъ, а если въ немъ „душа живая“, онъ непремѣнно будетъ служить дѣлу, идеѣ, идеалу... Сухіе, спокойные и безпристрастные протоколисты или сами себя заслушивающіеся соловьи не имѣютъ ни успѣха, ни значенія.

— Какъ вы наблюдаете?..

— Это очень трудно объяснить. Я самъ не знаю какъ! Какъ-то само собою! Есть такой аппаратъ внутри, который дѣлаетъ снимки помимо васъ и складываетъ ихъ про запасъ. Мнѣ кажется, что всякое писательское наблюденіе безсознательно—на первыхъ порахъ. Мало кто изъ насъ наблюдаетъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Въ памяти сами собою укладываются видовые отличительные признаки того или другого типа, отмѣчаются на внутреннемъ негативѣ ихъ особенности, незамѣтными черточками наслаивается рисунокъ. Потомъ, когда такимъ образомъ передъ вами уже является обликъ, если онъ жизненъ, интересенъ, нуженъ,—вы начинаете тревожиться, если хотите,—болѣть имъ. Торчитъ онъ передъ вами, надоѣдаетъ вамъ. Тутъ уже вы осматриваетесь кругомъ, выбирая наиболѣе полныхъ представителей его въ жизни. И это вы дѣлаете безотчетно, сами не зная, зачѣмъ, понадобится-ли онъ вамъ... Фигура мало-по-малу пополняется, обрастаетъ, дѣлается выпуклѣе и, наконецъ, выступаетъ изъ полотна,—передъ вами живой человѣкъ. Онъ остается въ вашемъ складѣ до поры до времени, пока не понадобится къ той или другой картинѣ, вмѣстѣ съ другими подходящими, чтобы описать общественное движеніе, направленіе, настроеніе. Почти никогда мнѣ не приходилось писать портретовъ. И портреты у литературныхъ протоколистовъ и фотографовъ всегда выходятъ мертвѣе, чѣмъ собирательные, прошедшіе черезъ внутреннюю творческую лабораторію типы. Портреты именно такіе, всегда—черное на бѣломъ или бѣлое на черномъ. Ни жизни, ни тепла, ни красокъ. Не чувствуется рисунка красокъ. Передъ вами снимокъ—и только.

V.

Отъ частностей мы перешли понемногу къ общему.

— Въ чемъ суть всей литературы, по вашему мнѣнію?

— Въ выполненіи одной заповѣди...

— Какой?

— Она съ высоты креста около 2000 лѣтъ уже прозвучала міру: „Прости, они не вѣдаютъ, что творятъ“. Писатель прежде всего долженъ, съ одной стороны, призывать къ милосердію, прощенію, состраданію, съ другой—работать для того, чтобы не было „не вѣдающихъ“ то есть не знающихъ, что они творятъ. Ибо злые—не вѣдаютъ. Если бы случилось такое чудо, чтобы всѣ вдругъ *увѣдали* какъ слѣдуетъ, и зла бы не стало на землѣ, и мы всѣ сдѣлались бы „какъ боги“. Внѣ этихъ двухъ магистральныхъ линій нѣтъ ни движенія, ни смысла, ни правды въ писательствѣ. Люби, болѣй за того, кто несчастенъ и, значитъ, борись съ насильникомъ, съ невѣдѣніемъ и невѣжествомъ. На этомъ пути не бойся ни ошибки, ни пересола, ни излишней страстности. Разумѣется, желательно, чтобы этого не было, но у искреннихъ людей и ошибки намъ дороги и милы, потому что мы знаемъ: онѣ вызваны не злобой и ненавистью, а любовью и мукой за ближняго. Тутъ всякое лыко въ строку. Да потомъ вѣдь старая истина, что тотъ только и не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ. Ошибка въ дѣятельности это—этапъ по дорогѣ: остановишься на ней, поймешь ее, и опять впередъ и впередъ.

На столѣ лежала цѣлая груда книгъ. Случайно присмотрѣвшись къ нимъ, я нашелъ здѣсь не мало трухи.

— Зачѣмъ вамъ это, Василій Ивановичъ? Неужели читаете эту дрянь?

— Знаете, для писателя пожалуй нѣтъ незначительныхъ книгъ...—скромно отвѣтилъ Немировичъ-Данченко. Не знаешь, изъ какихъ болѣе учишься: изъ дурныхъ или хорошихъ. Въ каждомъ изъ насъ есть тѣ или другіе недостатки. Въ дурныхъ книгахъ эти недостатки выражены ярко, грубо. Они бьютъ въ глаза, такъ что хочешь не хочешь, а замѣтишь! Въ самомъ себѣ этого не чувствуешь, а увидишь въ нихъ, и вдругъ точно въ твой внутренній мракъ лучъ свѣта упалъ... „Да вѣдь и у меня зачатки этого!“ И начинаешь ихъ вытравлять у себя. Учишься вездѣ и на всемъ. И на дурномъ, и на хорошемъ, даже на глупомъ, потому что средній умъ часто баналенъ, одинаковъ, а глупость случается колоритная и оригинальная. Она сама за себя и за свой собственный счетъ.

Я не могъ не улыбнуться столь лестной аттестаціи глупости. Засмѣялся и Василій Ивановичъ, и бесѣда приняла тотъ легкій характеръ, при которомъ невольно высказываешь все то, что приходитъ въ голову.

— А много про васъ сплетничали, Василій Ивановичъ,—началъ я.

— И очень даже,—безпечно отвѣтилъ собесѣдникъ. Рѣдко кому приходилось имѣть дѣло съ такими сплетнями, какія распространялись, и довольно усердно, на мой счетъ. Сначала, напр., въ покойной „Недѣлѣ“,—давно это было, кажется въ 1874 году,—пустили въ ходъ слухъ, что мои первые очерки Сѣвера были написа-

Памятникъ Императору Александру III въ зданіи С.-Петербургской фондовой биржи, открытый 4-го мая 1903 года.

Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

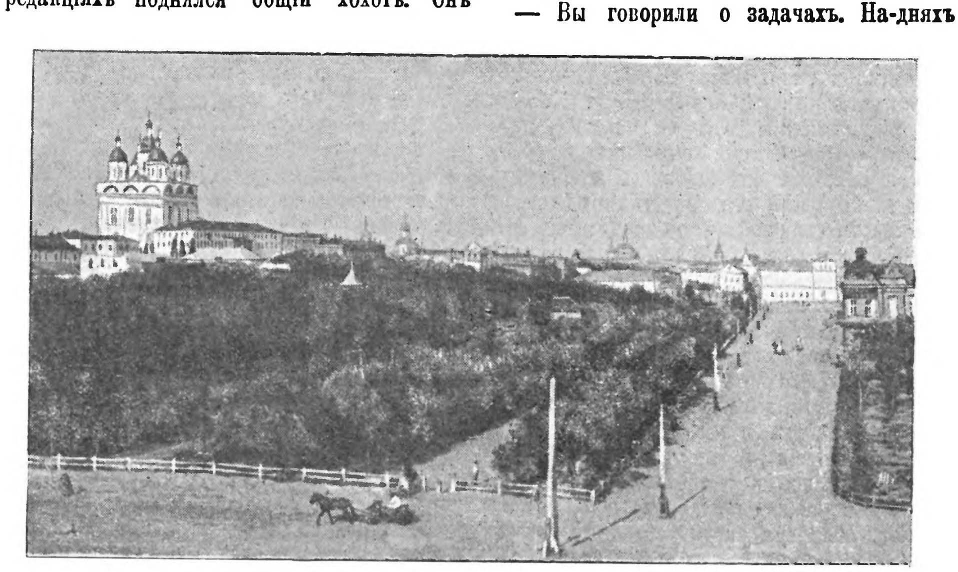
ны не мною. Но за этими послѣдовали другіе такіе же (въ „Дѣлѣ", „Отечественныхъ запискахъ" и, наконецъ, „Вѣстникѣ Европы"). Сплетня рухнула сама собою. На смѣну ей явилась другая: я-де пишу свои „Путевыя впечатлѣнія", никогда не бывавши въ странахъ, описываемыхъ мною,—но и этой не посчастливилось. Меня встрѣчали корреспонденты въ отдаленныхъ краяхъ и отмѣчали это. Началась война, и вдругъ въ одномъ изъ самыхъ почтенныхъ русскихъ изданій меня изобразили въ качествѣ „очевидца" сраженій, описывающаго ихъ изъ... Кишинева. Но не успѣли еще вдоволь посмѣяться надъ этимъ, какъ вдругъ появилась телеграмма о томъ, что я получилъ солдатскій Георгіевскій крестъ за бой на Зеленыхъ Горахъ и потомъ опять за Шейново и переходъ Балкановъ. Такъ было необычно, чтобы русскій писатель наблюдалъ міръ не съ угла Гороховой и Мѣщанской, а всюду бы ѣздилъ и все видѣлъ самъ. Кончили съ этимъ, и вдругъ, когда появился рядъ моихъ романовъ, одинъ изъ крупныхъ провинціальныхъ рецензентовъ помѣстилъ, кажется, въ „Одесскомъ Листкѣ", свѣдѣніе о томъ, что у меня цѣлая канцелярія молодыхъ писателей. Я-де даю имъ темы, слегка прохожу по нхъ работамъ, потомъ, ничто же сумняшеся, печатаю нхъ подъ своей фамиліей. Но тутъ ужъ въ редакціяхъ поднялся общій хохотъ. Онѣ слишкомъ хорошо были знакомы съ моимъ убійственнымъ почеркомъ. Для наборщиковъ даже существовало наказаніе: „ставить на рукописи Немировича-Данченка". И потомъ, какъ вамъ извѣстно уже, я никогда не могъ даже диктовать своихъ произведеній. Всѣ мои попытки въ этомъ родѣ давали очень плачевные результаты. Мнѣ для работы нужна тишина. Я прежде уѣзжалъ въ Выборгъ, гдѣ запирался на недѣлю въ отель „Сосьете", и тамъ писалъ безъ помѣхъ. Теперь техника письма мнѣ дается легче, и я пишу здѣсь, но и то запоемъ. То-есть я, случается, нѣсколько мѣсяцевъ не работаю, но взявшись за дѣло, я уже не отрываюсь отъ него, пока не кончу...

VI.

Между прочимъ, во время разговора въ видѣ курьеза я сообщилъ моему собесѣднику, что нѣкоторые писатели пишутъ разомъ нѣсколько произведеній.

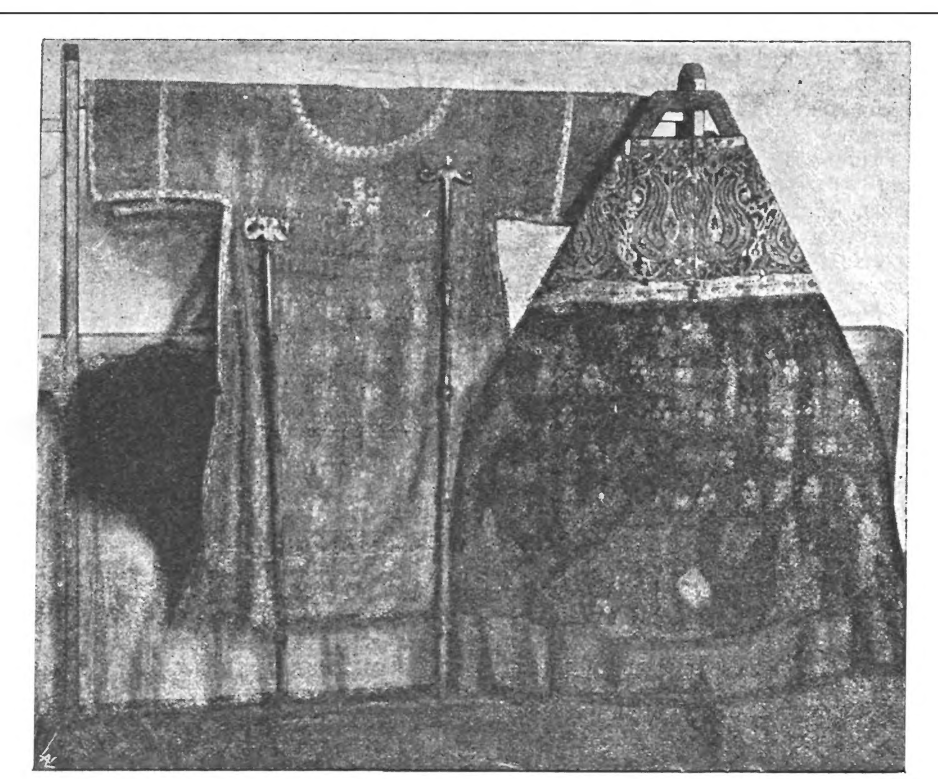
— Я никогда не понималъ, какъ можно писать вмѣстѣ два произведенія. До окончанія одного я никогда не могъ приняться за другое. Это „разбиваетъ цѣльность", мѣшаетъ настроенія одно съ другимъ... Произведенія, которыя пишутся одновременно, никогда не бываютъ свѣжи, опредѣленны, выдержаны. Нельзя душу настраивать, какъ скрипичныя струны, чтобы сейчасъ играть одну пьесу, а черезъ часъ другую. Или это дѣлается сплошнымъ ремесломъ. Когда подготовишься къ работѣ съ извѣстною задачей, весь полонъ ею. Спишь и видишь то, что тебѣ хочется изобразить, весь, какъ губка, просачиваешься необходимыми впечатлѣніями. Изъ тайниковъ памяти подымаются дѣла и люди, давно тамъ спавшіе, и становятся передъ тобою. Все, что казалось забытымъ, разъ оно подходитъ къ плану и цѣлямъ новаго произведенія,—воскреснетъ непремѣнно. Вы мысленно окружены тою природою, какую рисуете, тѣми голосами, которые должны зазвучать изъ-подъ вашего пера. Всякая посторонняя задача наполнитъ вашъ рабочій кабинетъ незванными гостями, которые уже именно въ этомъ случаѣ являются хуже татарина. Подъ извѣстнымъ настроеніемъ пишется цѣльно, стройно, неутомимо. Пусть одно произведеніе встрѣтится съ другимъ: чѣмъ больше такихъ переплетовъ, тѣмъ больше натуги, устали, дѣланности. Нужно себя опять навинчивать, раскачиваться, брать высокія ноты съ разбѣгомъ, а это не удается никогда.

— Вы говорили о задачахъ. На-дняхъ

Къ 300-лѣтію астраханской епархіи. — Успенскій каѳедральный соборъ въ Астрахани.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Къ 300-лѣтію астраханской епархіи. — Фелонь, посохъ и власяница митрополита Іосифа.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Первый астраханскій архіепископъ Ѳеодосій.

Къ 300-лѣтію астраханской епархіи.

(Къ статьѣ на стр. 158).

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

мнѣ случилось прочесть у неудавшагося историка литературы, что вы никогда никакими задачами не задавались.

— Ну, въ этомъ случаѣ онъ беретъ на себя слишкомъ много. Очень можетъ быть, что мнѣ выполнить мои задачи не удавалось. Это другое дѣло. Насколько задача разрѣшена,—вопросъ таланта, способностей, знанія жизни и наблюдательности. У одного ихъ больше, у другого меньше. Можетъ быть, у меня ихъ и совсѣмъ нѣтъ или ихъ мало. Задачи и направленія—я уже вамъ говорилъ—необходимы беллетристу такъ же, какъ и публицисту. Вѣдь беллетристъ—прежде всего гражданинъ. Онъ стремится къ достиженію тѣхъ или другихъ соціальныхъ цѣлей, ненавидитъ одно теченіе отечественной жизни, любитъ другое. Ему дороги и святы, повторяю вамъ, побѣды своего знамени такъ же, какъ отвратительно кажется все, что идетъ противъ его убѣжденій. У каждаго свои идеалы добра, красоты и правды. Я не говорю, можетъ быть, у меня есть двѣ или три книги, написанныя съ плеча (кто передъ Богомъ не грѣшенъ, передъ читателемъ не виноватъ!) но у меня всѣхъ около ста. Отъ мелкихъ до крупныхъ написанныхъ мною вещей, я во всѣхъ стремился, удачно или нѣтъ—другое дѣло, осуществить ту или другую литературную задачу. Говорите, что они бездарны, неудачны,—спорить не стану. Но безсмысленно или

Къ балканскому кризису. — Разсказъ о турецкихъ притѣсненіяхъ

Горецъ, собравъ у воротъ мечети слушателей, разсказываетъ имъ о кровавыхъ подвигахъ арнаутовъ.

равнодушно я не писалъ вовсе. Я всегда принадлежалъ къ опредѣленному направленію. Есть цѣлый рядъ моихъ вещей... хотя бы тѣ же „Сказки дѣйствительности", „Маіоръ Бобковъ", „Незамѣтные герои", „Святочные разсказы", „Облетѣвшіе листья", романы вродѣ „Старыхъ писемъ", „Великаго старика", „Двухъ дневниковъ", „Волчьей сыти" и др., которыя всѣ написаны съ опредѣленной цѣлью, отвѣчають на тѣ или другіе общественные запросы,—опять предупреждаю: можетъ быть блѣдно, тускло, неуклюже, это дѣло таланта,—но всегда я пытался разрѣшить задачу, которая въ данное время тревожила мое воображеніе, лежала на той или другой линіи общественной борьбы. Скажу больше: беллетристика для одного развлеченія досужихъ людей, безъ задачъ—свободы, борьбы, героизма, милосердія, защиты, освѣщенія того или другого ряда явленій,—есть или совершенно праздное занятіе, или, простите меня, проституція мысли, воображенія, таланта.

— Тотъ же историкъ литературы пишетъ, что вами издано болѣе 80 томовъ романовъ?..

— Ну, ужъ это ему прямо-таки почудилось. Болѣе чѣмъ за 40 лѣтъ литературной дѣятельности (я началъ въ 13 лѣтъ, когда появились мои первые стихи) и по сей день я написалъ двадцать семь романовъ. Не болѣе тридцати... Все остальное—путешествія, дневники, очерки, разсказы, стихи, сказки дѣйствительности, цѣлая масса публицистическихъ статей. Вѣдь я долго, очень долго былъ настоящимъ газетнымъ работникомъ!

— Всегда-ли и вездѣ въ вашихъ романахъ главное вниманіе сосредоточивается на любви?

— Далеко не всегда и не вездѣ. По моему мнѣнію, нынче именно пора съ этимъ покончить: общественная и политическая жизнь такъ могуче стремится впередъ, такъ бѣшено прорываетъ себѣ новыя русла, ломаетъ вѣковѣчные устои, я бы даже сказалъ пробиваетъ первозданные граниты, что для романиста она представляетъ содержаніе, помимо личной жизни и тѣхъ переплетовъ, которые создаются взаимнымъ влеченіемъ двухъ сердецъ, простите за сантиментальное выраженіе. Я не говорю о своихъ романахъ изъ временъ войны: тамъ любовь на заднемъ планѣ, она—„между прочимъ". Среди стихійныхъ событій кровавой эпопеи, она только штрихъ,—не больше. Но у меня есть и другіе, гдѣ любовь въ смыслѣ тѣхъ или другихъ отношеній между разными полами или отсутствуетъ, или является подробностью. Напримѣръ, „Монахъ", „Волчья сыть", „Забытая крѣпость", „Великій старикъ", „Иду на васъ", „Родная глушь", „Старые боги". Я уже не говорю о повѣстяхъ, разсказахъ и очеркахъ, которые наполовину посвящены совсѣмъ другимъ двигателямъ общественной и личной жизни, помимо любви. Въ настоящее время у меня написаны романы „Вернулась", „Старые боги" и задуманы „Искатель", „Гордыя силы", гдѣ совсѣмъ любовь и не участвуетъ. Помимо нея, вниманіе читателя захватывается другими событіями, стремленіями, порывами и настроеніями. Особенно *теперь*, я подчеркиваю это *теперь*!

— Въ своей галлереѣ русскихъ писателей г.г. Оленинъ и Карантъ говорятъ, что у васъ замѣчателенъ романъ „Контрабандисты", написанный на готовые рисунки испанскихъ художниковъ.

Василій Ивановичъ отъ души разсмѣялся.

— Что за чепуха. Вы въ этомъ увѣрены?

— Да.

— Странно! Откуда г. Карантъ почерпнулъ такія свѣдѣнія... „Контрабандисты" печатались въ иллюстрированномъ журналѣ. Вы видѣли мои коллекціи? У меня гравюръ, фотографій, рисунковъ испанскихъ художниковъ, посвященныхъ Испаніи, болѣе 9,000! Изъ такого количества я могъ смѣло собрать нѣсколько десятковъ иллюстрацій для моего романа. У насъ вообще падки на всякую сплетню. Стоитъ распустить ее, и непремѣнно ее подхватятъ въ печати. Впрочемъ, что жъ, на здоровье! Въ моемъ „Краѣ Маріи Пречистой" около 650 иллюстрацій испанскихъ художниковъ. И эту книгу я тоже нарочно писалъ на иллюстраціи? Романъ къ картинкамъ. Только этого не доставало! И это входитъ въ справочную книгу. Есть изданная даже въ Москвѣ галлерея русскихъ писателей, г. Игнатова. Тамъ еще почище свѣдѣнія. „Соловки" оказываются скитомъ, я—„горнымъ корреспондентомъ", почему-то излюбившимъ Алжиръ. Очевидно, оттуда взялъ свои свѣдѣнія и вашъ историкъ русской литературы, приписавшій мнѣ со словъ г. Игнатова 80 томовъ однихъ романовъ. Онъ именно повторяетъ эту цифру. Все это, разумѣется, неважно, но въ справочныхъ изданіяхъ точность должна стоять на первомъ планѣ. А впрочемъ, кому это нужно. Совсѣмъ не нужно!..

— Нѣкоторые называли васъ когда-то энтузіастомъ войны, Василій Ивановичъ?

— Никогда не былъ имъ. Никогда,—рѣшительно отвѣтилъ Василій Ивановичъ. Это не въ духѣ русскаго писателя. Плохую бы я сослужилъ службу родинѣ, если бы рисовалъ ея батальныя картины такъ, чтобы возбуждалъ ея энтузіазмъ. Это французамъ нужны „Три мушкетера", а намъ требуется война какъ она есть! Напротивъ, я не скрылъ ничего, я рисовалъ войну такою, какою она была, со всѣми ея сквернами и блескомъ, ужасомъ и восторгомъ, грязью и подвигами, трусостью и самоотверженіемъ, воровствомъ и голодомъ. Я показывалъ, какая мерзость слѣдуетъ за нею, какъ за побѣду расплачивается тотъ, который знаетъ только муку и смерть, какъ она ведетъ къ совершенно неожиданнымъ результатамъ и прежде всего разоряетъ неразумнаго побѣдителя. Въ этомъ отношеніи, какъ ни странно, но мнѣ настоящую справедливость отдалъ „Военный Сборникъ", въ послѣдней книжкѣ котораго была большая статья о моихъ романахъ и повѣстяхъ изъ военной жизни. Положа руку на сердце, я могу сказать, что свою задачу въ прошлую войну я разрѣшилъ, по мѣрѣ моихъ силъ, добросовѣстно. Не спряталъ ничего, и на первомъ планѣ у меня всегда стоялъ солдатъ, народъ, т. е. тотъ, кто прежде всего приноситъ жертвы и не участвуетъ въ торжествѣ... Это отмѣтила и нѣмецкая, и англійская критика... Промолчала русская, но она вѣрно не тѣмъ была занята!

На этомъ оборвалась наша бесѣда.

Н. Симбирскій.

Древности Успенскаго собора въ Астрахани.

По случаю 300-лѣтія астраханской епархіи. (Съ 3 рисунками).

Въ маѣ текущаго года исполнилось 300 лѣтъ существованія астраханской епархіи. Несмотря на свое сравнительно недолгое существованіе подъ державой русской (съ 1557 г.), отдаленная и оторванная отъ центра Россіи дикими степями туземная Астрахань хранитъ въ своихъ стѣнахъ много памятниковъ русской старины, особенно-же церковныхъ древностей. Послѣднія почти всѣ сосредоточены въ мѣстномъ Успенскомъ каѳедральномъ соборѣ, построенномъ въ 1698—1710 гг. извѣстнымъ усмирителемъ такъ называемаго бабьяго бунта, пятымъ митрополитомъ астраханскимъ Сампсономъ, на мѣстѣ существовавшей съ 1597 года одноэтажной Успенской соборной церкви. Самъ по себѣ соборъ этотъ представляетъ выдающійся образецъ древняго русскаго строительнаго искусства, которому по красотѣ, величинѣ и даже богатству нѣтъ равнаго во всемъ Поволжьѣ, не исключая нижегородскаго Преображенскаго собора,—хотя сооруженъ онъ исключительно русскими мастерами, безъ малѣйшаго участія иноземцевъ. Не только каменщики, столяры, маляры и иконописцы, но даже архитекторъ былъ русскій: крестьянинъ князя Львова Дорофей Мякишевъ, получившій за свой 12-лѣтній трудъ всего 100 руб., вслѣдствіе дешевизны рабочихъ рукъ въ то время (напримѣръ, каменщикамъ платили по 13 р. въ годъ на нихъ харчахъ); все строеніе храма, за исключеніемъ строительнаго матеріала, обошлось въ 7330 р.

Соборъ—двухъ-этажный, въ древне-византійскомъ стилѣ, квадратной формы, съ пятью конусообразными главами, увѣнчанными восьмиконечными крестами, высотой (до средняго креста) 30 саж., длина съ выпуклымъ о пяти граняхъ алтаремъ 17 саж. 1 арш. и ширина 12 с. 2 арш. Кругомъ него тянется аркадами крытая каменная галлерея съ контрфорсами, на которой основывается другая, открытая—кругомъ верхняго этажа. Съ послѣдней открывается роскошный видъ на городъ и окрестности, на Волгу, со множествомъ снующихъ по ней разнаго типа судовъ и суденышекъ, особенно въ половодье, въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ.

Благодаря тому, что стоитъ онъ на самомъ высокомъ мѣстѣ, въ Кремлѣ, на Заячьемъ бугрѣ, изъ города его видно отовсюду, а изъ окрестностей верстъ за 30. Городскія зданія и прочіе храмы кажутся какъ бы стоящими у его подножія.

Въ верхнемъ этажѣ собора Успенскій храмъ двухсвѣтный, съ окнами 2-саженной высоты, украшенъ восьмиярусным рѣзнымъ золоченымъ иконостасомъ 32 ар. вышины и $31^1/_2$ ар. ширины. На четырехъ мѣстныхъ иконахъ (каждая $3^1/_4$ арш. вышины и 2 ар. ширины) ризы чеканнаго серебра (семь пудовъ вѣсомъ безъ украшеній), стоятъ 85 тысячъ руб. Царскія врата съ сѣнью, тоже рѣзныя серебряныя, чеканной работы, на кипарисныхъ доскахъ, 7 арш. вышиною и 2 арш. 13 вер. шириною, оцѣниваются въ 140 тыс. руб. Иконы на нихъ писаны въ 1819 г., въ академіи художествъ. Престолъ изъ дуба обложенъ съ пяти сторонъ серебряными досками вѣс. 5 п. 7 ф. 58 зол., съ четырьмя вызолоченными рѣзными изображеніями Страстей Господнихъ и Воскресенія Христова. Куполъ поддерживаютъ четыре, поражающіе своей массивностью каменные столба, около четырехъ саж. въ обхватѣ, подведенные подъ сѣрый мраморъ.

Петръ Великій, посѣтившій въ 1722 г. Астрахань, былъ пораженъ красотой собора и воскликнулъ: „какое зданіе, лѣпота какая! Въ государствѣ (моемъ) такого храма не имѣется",—и очень сожалѣлъ, что не засталъ въ живыхъ строителя его, митрополита Сампсона.

Этотъ храмъ служитъ усыпальницей мѣстныхъ іерарховъ, что придаетъ ему особенную важность. Подъ его стѣнами покоится неустрашимый обличитель Лжедимитрія, первый астраханскій архіепископъ Ѳеодосій (1602—1606), почиваетъ страдалецъ митрополитъ Іосифъ, замученный разинцами 11 мая 1671 г., здѣсь же нашелъ мѣсто вѣчнаго покоя и строитель собора митрополитъ Сампсонъ, а также сокрыты бренные останки отца сиротъ, покровителя несчастныхъ, питателя убогихъ, епископа

Меѳодія (1758—1776) и погребены: знаменитый витія, архіепископъ Анастасій Братановскій - Романенко (1805—1806), одиннадцать другихъ астраханскихъ архипастырей, двое іерарховъ грузинскихъ: архіепископъ Самобѣльскій Іосифъ († 1750 г.) и митрополитъ Сомпаврійскій и Горскій Романъ († 1753 г.); воевода князь Ив. Сем. Прозоровскій съ братомъ Михаиломъ, убитые разинцами 24 іюня 1670 г., и, наконецъ, два державныхъ царя Иверіи: Вахтангъ Леоновичъ (6-й царь Грузіи отъ корени Іессеева, вѣтви Давидовой, колѣна Соломонова, род. 15 сентября 1675 г. † 26 марта 1763 г.) и Таймуразъ Николаевичъ (отецъ царя Ираклія), усердно хлопотавшій о сліяніи Грузіи съ Россіей; скончался на возвратномъ пути изъ Петербурга 28 декабря 1761 г.

Тѣла святителей Ѳеодосія, Іосифа, Сампсона и Меѳодія почиваютъ нетлѣнными. Жители съ особеннымъ почитаніемъ, въ чаяніи исцѣленія, притекаютъ къ гробницѣ убіеннаго владыки Іосифа (у второго окна съ правой стороны), у которой постоянно служатся по немъ панихиды. Мѣсто это окружено рѣшеткой. Тамъ, въ особомъ ящичкѣ, находится зашитая въ воздухъ часть обагренной его кровью власяницы, въ которой его жегъ и пыталъ палачъ Ларька, а разинцы 11 мая 1671 г. сбросили его съ раската. Другая большая часть хранится въ соборной ризницѣ, гдѣ сбереглись посохъ его, обложенный крокодиловой кожей, съ двумя серебряными яблоками и змѣями, судя по коему, владыка былъ громаднаго роста, и фелонь темно-травчатаго бархата, съ обѣихъ сторонъ одинаковой длины, въ которую облекались астраханскіе архіереи до Іосифа, начавшаго употреблять саккосъ, подаренный ему при возведеніи 8 іюня 1667 г. въ санъ митрополита патріархами Паисіемъ Александрійскимъ и Макаріемъ Антіохійскимъ, „ради вразумленія раскольниковъ въ правотѣ православнаго перстосложенія". Саккосъ принадлежалъ древнѣйшимъ патріархамъ Александрійскимъ и замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ по голубому полю вытканы золотомъ четырехконечные кресты и изображенія Спасителя съ благословляющими руками, сложенными именословно. На Христѣ, вмѣсто вѣнца, корона трехчастная (тріипостасная).

Ризница Успенскаго собора едва-ли не первая въ Поволжьѣ по богатству и рѣдкостямъ, которыя невозможно перечислить всѣ. Сокровища ея оцѣниваются болѣе, чѣмъ въ милліонъ рублей. Напримѣръ, есть Евангеліе 1763 г. съ серебряными досками, которое вѣситъ около двухъ пудовъ, другое—епископа Меѳодія 1768 г., съ верхней доской изъ чистаго золота, а изображенія на ней писаны сквозной финифтью и осыпаны драгоцѣнными камнями,—стоитъ 120т. р. Много панагій, напрестольныхъ и панагійныхъ крестовъ, украшенныхъ алмазами, бриллiантами, рубинами, жемчугомъ, цѣнность нѣкоторыхъ превышаетъ 10 т. р. Есть потиръ съ дискосомъ и звѣздицей изъ чистаго золота, вѣсомъ 5 фун. 7 зол., другой—наполовину золотой—8 ф. 21 зол., два финифтяные. Двѣ жемчужныя митры: одна стоимостью 30 т. р., другая—1788 г., съ овальной половинчатой жемчужиной въ голубиное яйцо, 50 т. р. Наконецъ, митра, оцѣниваемая 150 тыс. р., осыпана жемчугомъ, яхонтами, рубинами, сапфирами, венисами и 672 бриллiантами съ розами и хризолитомъ темной воды болѣе вершка. При ней такой же саккосъ митрополита Сампсона, вмѣстѣ съ омофоромъ и поручами, сплошь вынизанными крупнымъ и среднимъ жемчугомъ, перемѣшаннымъ съ яхонтами, изумрудами, бирюзой. Тутъ же хранится почти невредимый клобукъ его, вынутый архіепископомъ Платономъ въ 1801 г. при освидѣтельствованіи его мощей.

Изъ книжныхъ рѣдкостей интересны хранящіеся въ соборной библіотекѣ: иноческій потребникъ патріарха Филарета 1624 г. и заведенный въ 1626 г. архіепископомъ Онуфріемъ синодикъ, кажется, единственный въ Россіи, въ которомъ перечислены имена всѣхъ русскихъ великихъ князей, княгинь, царей, царицъ, начиная со св. Владиміра до Петра Великаго, кіевскіе и всероссійскіе митрополиты, патріархи, архіереи казанскіе и астраханскіе и многіе княжескіе, митрополичьи, боярскіе и дворянскіе роды. Въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ синодикъ этотъ представляетъ громадную цѣнность. Жаль только, что какъ онъ, такъ и другія рѣдкости собора совершенно недоступны обозрѣнію публики и съ большимъ трудомъ можно добиться разрѣшенія на осмотръ ихъ.

П. Юдинъ.

Англійскіе офицеры.

Офицеры англійской арміи занимаютъ совсѣмъ отличное положеніе отъ офицеровъ другихъ европейскихъ странъ. Ихъ служба въ мирное время совсѣмъ не похожа на службу офицеровъ другихъ великихъ военныхъ державъ: она много легче уже потому, что въ англійскихъ войскахъ срокъ службы волонтеровъ—двѣнадцатилѣтній. Жизнь въ англійскихъ гарнизонахъ, разсѣянныхъ по всему свѣту: въ Египтѣ, Южной Африкѣ, Индіи, Китаѣ и Канадѣ—благодаря сильно поощряемому высшими властями спорту, идетъ далеко не такъ монотонно. А благодаря тому, что служба офицера въ британскихъ войскахъ очень легкая, а положеніе считается почетнымъ и офицерами могутъ быть только богатые люди, англичане смотрятъ на военную службу, какъ на спортъ,—любимое національное развлеченіе. Сухопутный англійскій офицеръ не есть военный воспитатель націи, какъ это въ другихъ странахъ, а скорѣй джентльменъ, для котораго военная служба представляетъ любимое удовольствіе. Только службу морскихъ офицеровъ въ британскомъ флотѣ можно сравнить со службой офицеровъ континентальныхъ армій.

Въ виду этого, неудивительно, что послѣ почти трехлѣтняго южно-африканскаго похода, богатаго разными треволненіями и лишеніями, 1200 англійскихъ офицеровъ, около 11 процентовъ нормальнаго мирнаго состава,—вышли въ отставку. Число покинувшихъ службу офицеровъ было еще потому такъ высоко, что главнокомандующій лордъ Робертсъ предпринялъ реформу офицерскаго корпуса относительно служебныхъ занятій, военныхъ ученій, образовательнаго ценза и образа жизни, что вызвало цѣлое возмущеніе среди офицерства, которое удалось подавить съ большимъ трудомъ. Лордъ Робертсъ рѣшилъ положить конецъ чрезмѣрной роскоши и непомѣрнымъ расходамъ въ кавалерійскихъ полкахъ: состязаніямъ въ „поло" на пари между различными полками, содержанію полковыхъ экипажей, собачьихъ своръ, дабы упрощеніемъ жизни въ полкахъ и пониженіемъ очень высокаго денежнаго ценза дать возможность пополнить корпусъ офицеровъ менѣе богатыми молодыми людьми. Такъ, теперь кадеты, имѣющіе въ настоящее время не менѣе двухъ тысячъ рублей годового дохода, могутъ вступить въ кавалерійскіе полки. Вообще, теперь обычная система военнаго воспитанія подвергается полному преобразованію, такъ что теперь предоставлено сто офицерскихъ патентовъ студентамъ университета и на будущее время ежегодно будетъ посылаться пятьдесятъ патентовъ студентамъ колоній съ цѣлью привлечь больше молодыхъ людей на военную службу. Отчетъ слѣдственной комиссіи военнаго министерства объ обоихъ военныхъ училищахъ, въ Сандгурстѣ и Вульвичѣ, далъ плачевные результаты умственной бѣдности вновь произведенныхъ офицеровъ. Англійскій офицерскій корпусъ переживаетъ теперь кризисъ, искусное излѣченіе котораго требуетъ огромной осторожности и величайшаго такта, и этотъ кризисъ тѣмъ серьезнѣе, что отъ его счастливаго исхода зависитъ введеніе военныхъ реформъ, утвержденныхъ военнымъ министерствомъ.

Британскій офицерскій корпусъ, наряду съ нѣмецкими, состоитъ исключительно изъ людей, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества, дворянству, богатой буржуазіи и высшему чиновничеству, при томъ тамъ не допускается производство въ офицеры изъ унтеръ-офицеровъ, какъ это дѣлается въ другихъ странахъ.

Образъ жизни англійскихъ офицеровъ совершенно не похожъ на таковой въ континентальныхъ арміяхъ. Каждый субалтернъ-офицеръ владѣетъ яхтой, скаковыми лошадьми, а въ большихъ гарнизонахъ даже имѣетъ ложу въ оперѣ! Даже менѣе состоятельные офицеры имѣютъ свои охоты, рыбныя ловли, по ночамъ проигрываютъ безумныя деньги въ карты, тратятъ огромныя суммы на актрисъ и вообще дѣлаютъ массу глупостей. По описаніямъ англійскихъ писательницъ, у нѣкоторыхъ гвардейскихъ офицеровъ такіе роскошные будуары, какъ у модныхъ кокетокъ, и сами они такъ изнѣжены и избалованы, что похожи на какихъ-то раззолоченныхъ куколъ. Въ отвѣтъ на это англичане указываютъ на распространенныя въ ихъ войскахъ физическія упражненія и спортъ; отличившемуся въ атлетическихъ подвигахъ офицеру легче сдѣлать карьеру и проложить путь къ почестямъ, чѣмъ сыну пэра или богатаго члена нижней палаты.

Богатому молодому человѣку, желающему избрать военную карьеру, представляются два пути, разумѣется, при соотвѣтствующемъ общественномъ положеніи и по выдержаніи экзамена: или военная коллегія въ Сандгурстѣ или поступленіе въ ряды милиціи. Обученіе кадетовъ въ Сандгурстѣ спеціальнымъ военнымъ наукамъ и практическія занятія продолжаются нѣсколько лѣтъ, годовое содержаніе стоитъ 2 тысячи рублей. Въ милиціи будущій офицеръ получаетъ военное практическое образованіе, продолжающееся нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣ производства въ офицеры и четырехнедѣльнаго отпуска для обмундированія, закупки лошадей и т. п., молодой офицеръ первые годы занятъ изученіемъ на практикѣ своихъ обязанностей. Послѣ этого ему предоставляется масса свободнаго времени, которое онъ и проводитъ въ клубѣ за игрой въ теннисъ, крокетъ или на скачкахъ. Вступной взносъ въ гвардейскій клубъ—300 рублей, ежегодная плата 110 руб., среднимъ числомъ расходовъ по клубу ежемѣсячно набирается на 200 руб. Жалованье гвардейскихъ офицеровъ, также и линейныхъ около 700 руб. въ годъ, такъ что молодому экономному офицеру можно служить въ гвардіи, имѣя не менѣе 3,000 руб. годового доходу. Съ пятью тысячами рублей офицеръ гвардейской пѣхоты могъ бы отлично существовать, но на дѣлѣ такъ не выходитъ. Нынче англійскіе офицеры обязаны носить форму и внѣ службы, но, несмотря на это, большинство носитъ штатское платье. Служба въ гвардіи въ Лондонѣ всей своей тяжестью ложится на унтеръ-офицеровъ и солдатъ; офицерскіе караулы стоятъ только въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ и въ банкѣ: въ обоихъ случаяхъ дежурные

Графъ Девіеръ,
первый генералъ-полицеймейстеръ С.-Петербурга.

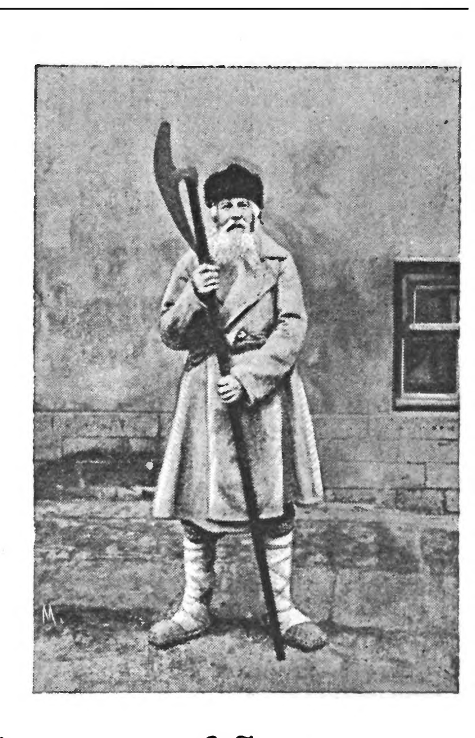
офицеры и даже ихъ гости получаютъ обѣдъ и вино.

Жизнь молодого офицера, если онъ богатъ, какъ это взято за правило, очень пріятна. Дообѣденное время посвящается военнымъ ученіямъ и вообще службѣ. Остальное время онъ играетъ въ поло или предается другому, спорту скачкамъ или охотѣ въ августѣ. Лѣтомъ онъ идетъ въ лагери на стрѣльбу или на маневры съ Альдершотской дивизіей. Каждый годъ—неслыханное дѣло въ континентальныхъ арміяхъ—онъ получаетъ отпускъ на четыре мѣсяца, а капитаны даже и на полгода. Англійскіе офицеры въ это время путешествуютъ по континенту и ищутъ случая перейти въ какой-нибудь экспедиціонный корпусъ. Для высшаго военно-научнаго образованія къ услугамъ офицеровъ есть двѣ богатыя спеціальны библіотеки, какъ напримѣръ, „United Lervice institution", и библіотека клуба гвардейскихъ офицеровъ, а также и военные учителя, но пользуются они всѣмъ этимъ весьма рѣдко. Офицеры часто посѣщаютъ поля битвы 1870—1871 года, иногда присутствуютъ на большихъ маневрахъ на континентѣ. При такой легкой службѣ и массѣ празднаго времени, естественно развивается страсть къ игрѣ, пари и т. п.; офицеры проигрываютъ огромныя суммы на скачкахъ. Жизнь въ кавалерійскихъ полкахъ еще дороже, чѣмъ въ гвардейской пѣхотѣ. Кавалерійскіе офицеры обязаны имѣть не менѣе восьми тысячъ рублей годового дохода, помимо жалованья.

Причиной такого явленія служитъ вообще національное благосостояніе Англіи; впрочемъ, не надо забывать, что жизнь въ Англіи вообще гораздо дороже, чѣмъ на континентѣ. Въ кавалерійскихъ полкахъ, на-ряду со скачками и охотой, очень распространена игра въ поло, нѣчто въ родѣ коннаго турнира, при чемъ отъ всадника требуется огромная ловкость и увѣренность. Расходы по игрѣ въ поло для одного кавалерійскаго полка ежегодно превышаютъ пятьдесятъ тысячъ рублей, такъ какъ для этой игры нужны особыя пони. Присутствовать на ежедневныхъ вечерахъ въ собраніи обязательно для каждаго офицера, при чемъ ему предоставляется право приглашать своихъ гостей. Послѣднихъ встрѣчаютъ командиръ полка и хозяинъ и подъ звуки полковой музыки проводятъ въ столовую. Музыка играетъ также во время обѣда и заканчивается полковымъ маршемъ, переходяшимъ въ „God save the King" и „Rule Britannia". Послѣ этого подаютъ дессертъ, стаканы снова наполняются, предсѣдательствующій за столомъ офицеръ поднимаетъ свой стаканъ и восклицаетъ: „Господинъ вице-президентъ!" При этомъ всѣ встаютъ и молодой офицеръ, — вице-президентъ, говоритъ короткій постъ: — „Джентльмены, за здоровье короля!" Музыка играетъ національный гимнъ, стаканы осушаютъ, и разговоры продолжаются. Затѣмъ подаются кофе и сигары, общество разбивается на кучки. Кто играетъ въ вистъ, кто на биллиардѣ, пока не раздастся сигналъ къ скачкамъ или къ какой-нибудь другой игрѣ.

По временамъ продѣлывается комедія военнаго суда надъ какимъ-нибудь молодымъ офицеромъ; предполагаемый обвиняемый, разумѣется, всегда оказывается виновнымъ, и въ наказаніе въ формѣ ставится въ водопойное корыто. Горе несчастному обвиненному офицеру, если онъ уже лежитъ въ постели, ибо въ томъ видѣ, какъ его застали, его тащатъ въ столовую и онъ можетъ благодарить Бога, если откупится отъ наказанія дюжиной шампанскаго.

Въ пѣхотныхъ полкахъ роскошь не такъ велика, какъ въ кавалерійскихъ, но офицеры ихъ также принимаютъ живое участіе въ охотахъ, скачкахъ и пари всевозможнаго рода.

Типъ городового въ С.-Петербургѣ временъ Петра Великаго.

Къ 200-лѣтію С.-Петербурга.—Ремесленные цехи со знаменами и значками на юбилейномъ торжествѣ у памятника Петра Великаго.

Юбилейная медаль въ память 200-лѣтія Петербурга.

Юбилейная медаль въ память 200-лѣтія Петербурга.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Пропперъ.